

Ржавое солнце

Если здесь кто-то напомним реальных кун или тян,
то не беда: герои меня простят.

Отдельно спасибо Клыку из города Химки.

За то, что с две тыщи четвёртого для меня смысл жизни словно на снимке.

1. Аэрограф

ДИКТОР. Остановка «Беспросветный бульвар», дом двадцать четыре.

Бывают, знаете, такие районы-дыры.

Вот этот, где бульвар Беспросветный, тоже дыра.

Кто-то очень занудный выложился на ура.

Танька вышла из тралика, хлюпнуло под кроссовкой.

Дома панельные тянутся плотной массовкой.

Разное разве что на балконах бельё.

Ну и, пожалуй, надписи — каждому дому своё.

Там на площадке девочка, мальчик играет с ней.

Девочка с мальчиком соревнуются, кто грязней.

Мальчик блаженно лыбится: точно не брат и сестра.

Бычок на асфальт. Дом № 6. Ура.

Танька, в мутный осколок зеркала погляди.

Джинсы драные, зато чистые. Чёрт Илья на груди.

Кроссовки драные-грязные — мелкие. Значит, норм.

Наушник орёт из последних сил что-то там про шторм.

Растрёпанный хайр, но это он просто вьющийся. Цвет кирпичный.

В общем, вполне себе вид приличный.

Пешком на третий: лифт здесь пока не изобрели.
Мимо дядек в линялых майках, мимо дивана в пыли.
«Здесь живут уроды-собаководы» — чуждая надпись.
Написать бы, мол, уроды против собак, да что распинаться.

Чёрная лента и чёрно-белый аэрограф.
Гена, мы помним, Гена, мы помним, Гена, мы помним, Безрогов.
Гена Безрогов, прости, прощай, привет...
Если смотреть на Гену, то Гена смотрит в ответ.

Гена смотрит, а кто-то за Гену в ответе...
Танька вползает на третий.

Елена Сергевна — знакомая тётки Кати.
Значит, она в бигудях, небось, в адском халате.
Танька, из головы предрассудки вынь.
Да впрочем, тебе-то что? Тебе по боку.

2. Этажерка

Динь-дилинь.

ЕЛЕНА СЕРГЕВНА. Здравствуй, здравствуй. Танечка? Заходи.

...Это Елена Сергевна? Где халат, бигуди?

Шиш вам. Интеллигентная дама, так-то.

Слова говорит, будто пишет пером на бумаге. Редактор!

ЕЛЕНА СЕРГЕВНА. Ты примерно знаешь нашу ситуацию?

Танька знает. Некому с мелкой дочкой остаться.

Сын-вечерник работает, отец умер два года назад.

А Танька в десятом. Ей хватит за смену рублей пятьдесят¹.

У девочки Юли карие глаза с поволокой.

У матери серые, значит, покойный отец черноокий.

Выглядит она старше-грустней своих лет шести.

Но Таньку тошнит с пожелания «Не грусти».

Комната как у Таньки: кровать-этажерка, кресло зелёным сукном.

Так хорошо и тепло, и такая муть за окном.

В стене для гитары гвоздь, но гитара валяется рядом.

Здесь слушают рок. Это радует.

У Елены Сергевны чёрные брови, усталый вид.

Юбка синяя, свитер бордовый. Она спешит.

ЕЛЕНА СЕРГЕВНА. Юлю корми, цветы поливай, там в кашпо.

А тут аптечка, лекарства — мало ли что.

Всё, девочки, я побежала, целую!

3. Бульвар

ТАНЬКА. Юлька, что делать бум?

Танька глядит на малую.

ЮЛЯ. Хэппи Три Френдс! Мультик! Смотрела?

Танька молчит. Только глядит обалдело.

¹ О том, что темп написания текстов уступает темпу инфляции, уже всё высказал Юра Хой в песне «Бомж», так чего изгаляться.

Сели на кухне. Диванчик, обои под грецкий орех.
На экране треш. За экраном Юлин весёлый смех.

ТАНЬКА. Юлька, пойду подышу, ничего за пять минут не отмочишь?

Танька на лестничной клетке. Душно, нет мочи.

Хэппи Три Френдс? Это что, тоже брат её, Валя?
Он научил Юлю слушать рок, но вот это — едва ли.
Прохожие в шали кутаются, смотрят косо.
Булочную третий год защищают от сноса.

Танька вернулась в дом. В голове кислород.
Теперь Мановар патетично в колонке орёт.
Юля чинно сидит и читает книжку.

ЕЛЕНА СЕРГЕВНА. Танечка, всё нормально? Она всё же взрослая слишком.

Мама пришла из редакции. Таньке можно домой.
Она идёт не дворами, а по прямой.
Тут фонари, трасса, из булочной запах корицы.
Вечером хоть не так мутно. Сгодится.